

- Скажите, Вилли, как должна сложиться жизнь, чтобы человеком со страшной силой начали овладевать языки?

- Не знаю. Но думаю, что года в четыре от роду ему полезно увлечься энтомологией, как это было со мной. Тогда появится стимул выучить латынь, потому что у каждой букашки есть научное название. К окончанию школы неплохо бы знать минимум четыре языка, какие нравятся. И не огорчаться, если в их число не входит английский, с которым у меня были серьезные проблемы: по этой причине я чуть было не застрял в восьмом классе. После школы вовсе не обязательно поступать в иняз. Я, например, учился в ветеринарной академии, где освоил несколько африканских языков - там было много студентов с этого континента.

Получив диплом, полезно послужить в армии, не скрывая при этом своих познаний. Тогда вам придется познакомиться с особым отделом, где вас обвинят в работе на шесть иностранных разведок (по числу освоенных языков), включая латинскую. Со мной такое было в восьмидесятые годы, но думаю, что те кадры еще в строю. Чтобы избежать дисбата, пришлось подать рапорт о желании поехать в Афганистане (сегодня тоже есть неплохие варианты). Кстати, посмеетесь от души: ведь армия - это перманентный абсурд, где ты - действующий персонаж анекдота. А там уж как повезет. Мне повезло: мина, которая нас накрыла, убила ребят из нашего взвода, но я отделался клинической смертью. Побывал в мире ином, который, по-моему, гораздо лучше нашего. После этого на связь со мной стали выходить погибшие однополчане и умершие друзья. Были и другие полезные последствия: контузия оказалась лучшим помощником полиглота. Во всяком случае, мною овладело что-то вроде лингвистической наркомании, и я стал учить по несколько языков сразу. Причем чем дальше они друг от друга, тем лучше. Так, итальянский, шведский и суахили я осваивал одновременно.

- Как вам это удается?

- На этот вопрос два года пытались ответить в Институте психологии. Я выполнял тесты, ученые их разглядывали и пожимали плечами. Мне и самому бы хотелось все объяснить - ведь я люблю естественные и точные науки. Но пока объяснений гораздо меньше, чем предположений.

Точно так же не могу объяснить, почему в школе, не зная правил русского языка, я писал без ошибок, причем чуть ли не единственный в классе. Но на экзамене мне едва поставили трочку именно из-за незнания правил. И до сих пор у меня к грамматике свой подход. Я никогда не начинаю с ее зубрежки, потому что это не облегчит понимание языка, а только запутает. Всегда начинаю с живого текста - печатного или устного. Словом, действую по принципу: чтобы сбить яблоко с дерева, не обязательно знать закон всемирного тяготения.

Тут главное, чтобы не столько ты овладел языком, сколько он овладел тобой. Языки не самоцель, для меня важно не просто знать их. Важнее то, что я из них делаю (и что они делают со мной). Это и материал, чтобы создать свой арткосмос, и живое существо, мой советчик, старший брат по разуму. Языки - моя неиссякаемая подпитка, которая помогала выживать в самые глухие и безнадежные дни, особенно после войны. Это мой долгоиграющий психоиммунитет.

Поэтому традиционная методика изучения для меня не годится. Мало того что она гробит интерес к делу. Заучивая слова и грамматику, но не чувствуя языка, человек продолжает говорить на своем родном, но другими словами. Начинать надо с идиом, тогда занятия станут увлекательными. Скажем, русские о чем-то несбыточном говорят так: после дождика в четверг, или когда рак на горе свистнет. Немцы формулируют иначе: когда собаки залаяли хвостами. Латыши: когда отелится моя сдохшая в прошлом году корова. Но больше всего мне нравится болгарский вариант: когда маленькая зазнавшаяся свинья в желтых шлепанцах на грушу вскарабкается.

У нас же много переводится буквально. Даже русский синодальный перевод Библии - куций и беспомощный. Не потому, что переводчики плохие, а потому что у русского языка

Научный сотрудник Института вирусологии Вилли Мельников знает столько языков, что их число уже не имеет значения. Где-то около сотни, не считая наречий и диалектов. И еще четыре - на подходе. Причем он считает только те, на которых думает и пишет стихи. Если приплюсовать и те, на которых может читать и объясняться, то цифру придется удвоить. При этом Вилли не любит, когда его причисляют к полиглотам и стараются выпытать секрет успеха. Во-первых, слово «полиглот» у него ассоциируется с обжорством, а во-вторых, его «секреты» никому не помогут - хотя бы потому, что он не овладевает очередным языком, а позволяет ему овладеть собой. И никаким феноменом себя не считает - просто, говорит, жизнь так сложилась. Наконец, самое главное: языки - далеко не единственное увлечение Вилли. Он еще и поэт, создатель авторского жанра - муфталингвы, он мастер драконографии, маэстро фракталов и много чего еще, а мы тут со своими языками... И все же, несмотря на подозрительное отношение к себе многих современников, он в который раз пытается объяснить. Вообще-то моего собеседника зовут Вильфрид Робертович (отец у него полшвед, полуисландец), и по имени я его называю не из панибрательства, а по его же просьбе: ему так удобнее.

Вилли МЕЛЬНИКОВ:

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

НЕЛЬЗЯ ПЕТЬ НА ОДНОЙ НОТЕ

принципиально другие возможности. Ведь перевод с греческого - это уже перевод с перевода. Иисус говорил на диалекте арамейского языка, его плохо понимали. Да и пришел он из Галилеи, название которой переводится как «область иноверцев». Понятно, какое к нему могло быть отношение...

- А как вам удалось освоить арамейский, да еще и выяснить, как он звучит?

- На разновидностях этого языка сейчас говорят в Сирии, Иордании, Ливане. К тому же есть исследование, монографии на эту тему. Читал в оригинале кумранские рукописи. Разница с переводом огромная. А вот тибетский изучал по оригинальным текстам «Алмазных лотосовых сутр». Консультировался с моими друзьями - тибетскими монахами, которые часто приезжают в Москву. Они читали, а я прямо так висел у них на языке, перенимал произношение, интонации. Запоминал перевод, а кое о чем и догадывался. Это очень важно - догадываться самому, чтобы потом сравнить свою догадку с правильным ответом.

Часто языки приходят сами, ниоткуда. Например, о многих древних языках я не имел ни малейшего представления, а потом убеждался: да, действительно были такие.

Так что для тех, кто изучал язык по учебникам и с преподавателем, мой метод, наверное, выглядит малоубедительно. Но иначе я объяснить не могу.

- Уж простите за приземленный вопрос: где берете недостающие слова? Думаю, что в тех же «Алмазных сутрах» нет многих слов, без которых не получилась бы наша беседа...

- Выход один: если слова нет - его надо придумать. У того, кто чувствует язык, это получается. Болгары, например, книжный магазин называют книжарница, кафе - сладкарница. А вот грампластинки продают в магазине «грамофони плочи». Я предложил - называйте его «дискарница»! Моим болгарским друзьям слово понравилось и, говорят, прижилось.

- Сколько языков вы знаете?

- Точно не скажу. Для меня критерий знания языка - писать на нем стихи и думать (я это называю дышать языком). Подсчитать их количество несколько лет назад меня заставил корреспондент одной исландской газеты. Тогда их было 96. А скоро прибавятся еще четыре, из числа умирающих. Я от них в восторге, это просто разные ментальные планеты. Кьярдилд, например, на котором говорят на двух небольших островках у северного побережья Австралии. У него 28 видов настоящего времени, 42 прошедших и около 80 будущих... Или язык юпик, одного из племен канадских эскимосов. Там есть более двухсот слов, обозначающих разновидности снега. Причем в них и его настроение, и состояние. И то, что он чувствовал, ожидая, как ты на него не наступишь, и что он

подумает, если обойдешь его стороной, не потревожив. И что ты сам при этом подумал... Перевести такое нельзя, можно только объяснить.

Для меня тот, кто не знает кроме родного языка еще пару-тройку других, - наполовину слепоглухонемой. Даже если бы я знал всего дюжину языков, то чувствовал бы себя задыхающимся. Зато сейчас смотрю на мир, словно стрекоза, сквозь множество фасеточных глазков.

Но не стоит думать, будто я в жизни только и делаю, что изучаю языки. У меня много разных измерений, многочисленных хобби, которые становятся специальностями, в то время как официальная - вирусология - превратилась в одно из увлечений. Зато на первый план вышли прикладная математика, иммунология, молекулярная биология, фотоживопись... Еще я гид по истории и архитектуре Москвы и Санкт-Петербурга. Не собираюсь хвастаться и оглашать, так сказать, полный список, но суть именно в этом - в симбиозе контрастов, который дает многомерный взгляд даже на банальную вещь. Потому мне хочется создавать ментальные кентавры, совмещать несовместимое.

Визитная карточка этого процесса - фрактальная стереометрия. Это математические формы, графики, доведенные до уровня живописи. Свообразное объяснение и прогноз того, что происходит вокруг, по сути - скелет

мироздания. Хороший художественный образ - это и отражение процесса, и картина, и математически точно построенная фигура. Раньше, чтобы расчитать фрактал, требовалось полжизни, а теперь это делает компьютер. У меня уже готова целая галерея таких работ. Но искусствоведы (я их называю искусствоведами) считают это эстетскими изысками. Ну как тут объяснить? Поэтесса Зинаида Гippiус когда-то предупреждала: если надо объяснять, то не надо объяснять. Как в анекдоте про чукчу... Ею спрашивают, куда ушла американская подводная лодка. Тот говорит: «Зюйд-зюйд-вест, капитана!» И слышит в ответ: «Ты тут не умничай! Пальцем покажи...»

Друзья утешают: мол, Вилли, и драконография твоя, и стихи на муфталингве, и все прочее обязательно будет издано. Тебе нужно только умереть.

- Что за драконография? Не говоря уж о муфталингве...

- Это такой способ самовыражения, известный еще в античности. Жрецы предлагали человеку что-то нарисовать, а потом по этому рисунку делали выводы и даже предсказывали будущее. У средневековых инквизиторов та же процедура зачастую оборачивалась приговором. Словом, некий предшественник психологических тестов.

Для меня драконография - это стилизованные до неузнаваемости письмена разных языков. Тут и руны, слитые с тибетским, древнемонгольское письмо соседствует с дари, гуанчи... Вот этот подчас полярный разбор областей знаний и наук порождает тот ментальный аналог электрического тока, который и служит топливом для изучения языков. Я только смотрю, что постучалось в мою дверь, и выбираю нужное. Это очень помогает жить, исчезает такое понятие, как серые будни. Зато серый цвет очень люблю - в нем столько оттенков...

А муфталингва - это слова-неологизмы, где муфтой, соединяющей слова, служит один или несколько общих слогов или, что важнее, общие смыслы. Например, поговорка «долг платежом красен» на муфталингве звучит так: задолженность возвращаедростью красна. У футуристов это был словесный эпатаж, у меня же неологизмы очень прозрачны. Зачем раскладывать слово, если оно такое емкое? Появляется бесконечное число степеней свободы толкования текста, а словам становится еще теснее. Скажем, «неотвратиканье секунд» (это из моего цикла «Ясновидеокассета из Вавилондона»).

А порой в процессе творчества и язык меняется на тот, который соответствует твоему настроению. Нельзя же петь на одной ноте. К тому же поэзия непереводаема, и порой в нашем языке нет аналогов. Тогда получается то, что я называю лингвагобеленами.

- Как так: у нас - да нет аналогов? Классики, помнится, восторгались - «о великий, могучий, правдивый и свободный...» А Энгельс и вовсе называл его одним из самых сильных и богатых. И как этот язык видится вам на общем фоне?

- Ему никогда не стать языком международного общения, как английскому. Русская грамматика - одна из сложнейших в мире, иностранцы от нее стонут. Что же касается выразительных средств, то каждый язык идеален для говорящих на нем.

- А вам какой больше нравится?

- Я их все люблю. Все зависит только от настроения, ситуации, а нужный подворачивается сам. И английский люблю, знаю пять его вариантов, от американского до крельского.

- Есть еще такие полиглоты, как вы?

- В мире, пожалуй, несколько десятков. Я лично знаю одну россиянку, еще одна знаковая живет в Аргентине, плюс японец, канадец, два американца... В Африке есть несколько человек.

- Как современники относятся к вашим способностям?

- Люди не теряют того, что выходит за границы их понимания. По этой причине потерял немало друзей, которые считают меня ненормальным и убеждены, что я продал душу дьяволу. Есть и закомплексованная публика - хлебом не корми, а дай устроить сеанс с разоблачением. Кто-то готов видеть во мне мессию, посланца неизвестно кого... Словом, средневековое сознание. Многие с удовольствием подбросили бы хворост в мой костер, да только время сейчас не то.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ